

Валерий КОПНИНОВ

ПРИВЫЧКА СОЧИНЯТЬ

Заметки о художнике Петре Кудинове

Ни один великий художник никогда не видит вещи такими, какие они есть на самом деле. Если бы он это сделал, он перестал бы быть художником.

Оскар Уайльд

Многие художники говорят о себе, что еще в детстве их тянуло к холсту и краскам. То же самое о собственной тяге к рисованию, возникшей в далеком послевоенном детстве, может сказать Петр Андреевич Кудинов: это чистая правда. Впрочем, многих в детстве тянет к рисованию, но подавляющее число людей со временем остывает. Избирают для себя профессию художника и остаются ей преданными на всю жизнь единицы.

Причины? Они разные. От ощущения утраты собственного предназначения до более приземленных.

— Сейчас время сложное для художников, — делится своими соображениями Петр Андреевич. — Хотя почему сейчас, вот уже лет тридцать это сложное время тянется. И сложность его в том, что надо как-то зарабатывать для семьи, а я занимаюсь живописью, которая не приносит никакого дохода, и, может, некоторые на меня смотрят как на чудака, но меня совершенно не интересует их мнение. Я знаю, при «разумном» отношении к такой ситуации другой бы давно бросил это дело на моем месте, а я пишу. И я не один такой...

У подобной преданности живописи тоже есть свои причины. Одна из них — умение увидеть и глубоко почувствовать красоту, разглядеть ее во всем, там, где другие видят обыденное. Умению этому научить трудно, почти невозможно. Большое благо — с ним родиться.

— Мы жили на краю деревни Шимолино — это Благовещенский район Алтайского края, — вспоминает Петр Кудинов. — Послевоенное время, нас, детей, много было у родителей, и я помню, недалеко от нас жил хромой мужик, бывший военный, покалеченный на войне. Работал он заготовителем — шкуры принимал, еще что-то такое; он, кстати, насколько я помню, при своей работе не бедствовал. Так вот, как-то мы зашли к нему в дом и я увидел висящую на стене картину — там

русский богатырь сошелся в поединке с чужеземцем. Я тогда не знал, что это картина Михаила Авилова «Поединок Пересвета с Челубеем», на которой изображен тот самый бой, что предварял Куликовскую битву, между присланным из Свято-Троицкой Сергиевой лавры монахом-воином Пересветом и опытным монголо-татарским богатырем Челубеем. Я увидел эту картину и обалдел — настолько поразила она мое воображение силой, энергией, а главное, реалистичностью происходящего. Как будто ударило по мне мощной энергетической волной и пронизало насквозь. А было мне тогда всего-то лет пять-шесть... И вот еще одно детское воспоминание. Был раньше такой промысел — рисование ковров краской по ткани, заменяли они ковры тканые. В один из обычных дней мы, ребяташки, бегали вокруг соседского дома, играли в прятки, и я увидел в открытое окно на стене такой рисованный ковер. Увидел и замер — он показался мне таким красивым, что я встал у окна и не мог оторваться, разглядывая его. Остальные ребяташки по-прежнему бегали, играли, на ковер ноль внимания — им он сто лет не нужен, а я замер надолго. Ну вот такая вроде бы дурь, если со стороны смотреть, а для меня — интерес.

Из этих детских впечатлений и возникло желание всецело принадлежать к большому художественному миру, ставшее впоследствии судьбою; желание, позволяющее не просто красоту созерцать, а уметь создавать нечто подобное. И возможность реализовать это желание пришла у Петра Кудинова вместе с взрослением. А взрослеют на селе да при крестьянском труде рано.

— У нас в семнадцати километрах от села раскинулось большое Кулундинское озеро, — рассказывает Петр Андреевич, — и там, на острове, наши сельские мужики косили сено, ставили стога, а зимой свозили на корм животным. А мне интересно было поехать с мужиками туда и там поработать. И однажды я сговорился и поехал на сенозаготовки — работал там с мужиками, ночевал, с лошадьми управлялся. Романтика. В то лето я закончил девятый класс. И вот в этой работе наравне со взрослыми мужиками — когда уставал страшно, а выказать свою усталость, испросить себе по молодости лет передышку было стыдно, было недопустимо — я и сам почувствовал себя мужиком. И домой приехал в таком настроении.

И в этом настроении будущий десятиклассник Петя Кудинов встретил на улице свою школьную учительницу Веру Павловну Черняеву. Она хорошо знала Петю, знала о его тяге к рисованию, интересе к художникам и даже о том, что любимый из них — Валентин Серов. И посоветовала не в десятый класс идти, а поступать в Бийское педагогическое училище — там открылось художественно-графическое отделение.

— Я подумал, решился, поехал, сдал экзамены и поступил, — с улыбкой говорит о своем, можно сказать, судьбоносном решении Петр Андреевич. — Учиться мне нравилось, учился я с великим интересом, тем более в училище уровень обучения был намного выше школьного. Правда, на два года пришлось прерваться для службы в армии. После училища преподавал в Благовещенской школе рисование и черчение. И на своем

опыте могу сказать, что у детей рисование не самый любимый предмет. Далеко не все склонны к творчеству, а без такой склонности этот предмет кажется бесполезным. Тогда уже начал понемногу писать. Работал, добывая хлеб насущный — рисовал плакаты, занимался наглядной агитацией, делал копии. Однажды для одной воинской части с какой-то картинкой срисовал портрет Суворова, и моя копия так понравилась комбату, что он сказал: «Знаешь, еще лучше получился, чем магазинный». Смешно, конечно. Хотя не все было смешно, и жизнь помотала по разным местам, но все равно, если в тебе есть тяга к творчеству, никуда ее не денешь. Поэтому время находил, чтобы писать, как говорится, для души. И развиваться хотелось, учиться. Поступил в Дальневосточный институт искусств. Но, к сожалению, не закончил его — болел часто, там настолько неподходящий для меня климат оказался.

Жизнь действительно помотала, но, сделав круг, обязательно возвращала на родной Алтай и, проведя длинным путем-дорогою, привела в Барнаул, где Петр Андреевич окончательно состоялся как художник — с выходом на профессиональный уровень. Что повлекло за собой и вступление в Союз художников России, и участие во всероссийских выставках, и обретение собственной мастерской — маленькой, но уютной и, кроме того, с деревьями за окном, которые летом закрывают от назойливого солнца, так мешающего писать.

— Была осенняя выставка, — вспоминает Петр Кудинов события 2012 года, — я тогда еще не был членом Союза художников, а на осеннюю выставку всегда берут в основном работы членов Союза. Я привез картины показать, думаю себе, мечтаю — может, кто-нибудь из художников посмотрит. И встретился мне Юра Чулюков. Я говорю ему: «Ты же член Союза, не посмотришь мои картины?» Он согласился — стоим мы, смотрим. И проходит мимо Николай Зайков, остановился возле моей картины «Прогулка», присмотрелся и выдал: «Это Фризен», посмотрел еще и поправил сам себя: «Нет, не Фризен». А Фризен Альфред Петрович — живописец известный, большой. Чулюков на меня показывает и говорит: «Да вот он автор...» А после того как Зайков ушел, недолго думая, посоветовал мне: «Знаешь что, ты подавай заявление, чтобы тебя в Союз художников приняли». Я удивился, говорю: «Я как-то не рассчитывал на это, так сразу...» Ладно, переборол свои сомнения, пришел к Юрию Борисовичу Кабанову, работы ему показал, а после того, как он картины увидел, оценил, дело пошло к рассмотрению моих работ да принятию в Союз. А когда я стал членом Союза художников, совсем осмелел и такие вот мысли мне стали в голову приходить — я уже художник, настоящий, раз меня в Союз приняли, и я имею право на поиск, чтобы рисовать не то, что умею, а нечто большее, требующее превзойти самого себя. Как говорил Поль Гоген: «Художник должен иметь право отважиться на эксперимент». Может, я воспроизвел слова Гогена не совсем точно, но по смыслу все так и есть, и фраза эта мне страшно нравится.

И Петр Кудинов на эксперимент отважился. Нет, это выразилось не в рисовании геометрических фигур или создании цветowych пятен — на полотнах Петра Кудинова жизнь в ее самых что ни на есть

реальных проявлениях. Но жизнь не скопированная, а осмысленная художником, прочувствованная и, как итог, представленная зрителю через определенный образ, чаще всего простой, без излишней зауми, но очень точный и впечатляющий.

Что, как видится мне, и есть собственный стиль Петра Андреевича.

А один из элементов стиля — это сферическая перспектива, названная так известным художником Кузьмой Петровым-Водкиным, который использовал этот прием в некоторых своих картинах. Изображение картины словно отражается в некоей округлой зеркальной поверхности, создавая эффект «вогнутости» к геометрическому центру композиции. Возникает взгляд на мир как будто с большой высоты, что придает идее картины «планетарный масштаб». Это, можно сказать, видение Земли глазами Бога с небес.

У Петра Кудинова сферическая перспектива более человеческого свойства, она приземлена и, несмотря на явную художественность, выглядит естественной геометрией пейзажа, преимущественно городского. Именно город с его горизонтальным размахом и вертикальным устремлением вверх требует пространственного масштабирования, проще говоря, требует расстояния, чтобы быть увиденным в законченном, цельном фрагменте. Поэтому в живописном варианте Кудинова и сам художник, и зритель не вознесены на особую высоту — они расположены вплотную к изображению. Восприятие субъективно, и, следовательно, вполне возможно некоторое зрительское непонимание такого изобразительного приема, но оно ни в коей мере не приводит к отторжению картины, а лишь служит важным поводом для размышления.

Показательны работы, выполненные с использованием видоизмененной сферической перспективы: «Прогулка», «Летний вечер в нашем городке», «Вечер».

— Такая вот история приключилась на выставке с картиной «Прогулка», — рассказывает Петр Андреевич. — Один известный алтайский художник, когда увидел эту работу, спросил: «А что у тебя дом вроде как завалился? Что это такое?» А почему я это сделал? Да потому что я хотел движение придать — вот колесо обозрения крутится и под себя своим движением дом подминает, оттого он и накренился, подхватывая движение колеса. А если он прямо будет стоять, не получится согласованности по динамике между объектами в картине. И расстраиваться от подобных вопросов нельзя. Конечно, можно хорошо все сделать, с правильными пропорциями, но ведь это искусство. Художник должен искать, пробовать и так и сяк, тем более если у него интерес к этому есть. А уж там получилось или нет — это зритель должен решить.

И в картине «Прогулка» — несомненно получилось. Барнаул (а барнаульцы увидят на полотне именно его, бийчане — Бийск: дома со схожей архитектурой найдутся не в одной сотне городов) словно воплощенное в материю время — текучий, гибкий, пластичный. Он не монументальный, особенно центр, где почти без эклектики, почти гармонично перемешано все, что построено за долгое время существования города — в XVIII, XIX и XX веках. И то самое колесо обозрения, упомянутое

Петром Андреевичем, что раньше возвышалось над площадью Сахарова и было знакомо каждому барнаульцу, — это и образ циферблата часов, отсчитывающих вечное время, и символ диалектичности развития мира в целом, а равно и его составных частей.

И стало быть, городское здание вполне может иметь угол наклона, что возник благодаря неминуемому попаданию любого здания в водоворот времени. Любого здания, в любом городе (желательно насчитывающем хотя бы столетнюю историю), потому что, предполагая, будто бы на картине «Прогулка» изображен Барнаул, мы все же понимаем — образ города собирательный.

Уход от прямого копирования и конкретики в пользу сочинительства, в пользу именно собирательного образа — это тоже собственный стиль Петра Кудинова.

Город в картинах «Летний вечер в нашем городке» и «Вечер» — это город без названия, без прототипа, без заимствованных элементов. Это просто город, с его духом, его ритмом, его жизненным укладом.

Вот «Летний вечер в нашем городке». Сочиненный Петром Андреевичем городок расположен вокруг округлого озера («вокруг округлого» — это не тавтология, это кольца пружины, обеспечивающей движение, та же сферическая перспектива). А само озеро — словно уложенные горизонтально часы, задающие ход городской жизни. На них время будто замкнуто в круг: каждые двадцать четыре часа наступает очередной летний вечер. Формально городок собран из стандартных деталей — нескольких многоэтажек, разрозненных фигур отдыхающих горожан, парковой скамейки, автомобиля, спортплощадки... Но все эти узнаваемые, привычные — и составляющие основу простого человеческого счастья — детали совместного жития людей, будучи сведенными воедино, являют собой законченный рассказ о городке в один из его летних вечеров. Придуманное художником место наполнено добротой и оттого становится желанным. И впечатление целостности и замкнутости настолько сильное, что кажется — за холмом (на всей большой Земле) другой жизни нет, а есть только этот идеальный в своей позитивности городок, тихо живущий в круговороте душевного спокойствия и добра. Но взмывший над холмом в небо воздушный шар говорит и о существовании иных просторов.

— В картине «Летний вечер в нашем городке», — комментирует свою работу Петр Кудинов, — я закрутил движение, мне показалось, что город — он всегда в движении, даже если что-то в нем находится в состоянии покоя. Я взял и объединил домики, людей... Это не сам город, это образ города. У меня такая есть привычка — я люблю сочинять. Даже если есть отправная точка и она реальна — в данном случае определенный город, но на холсте это будет образ города.

Художник создает иной мир, предлагая вместо реальности жизни художественную реальность. Иногда достаточно простую, как в картинах «Летний вечер в нашем городке», «Деревенский футбол» или «Семья». Иногда более сложную по содержанию, тематике и драматургии, как в картинах «Вечер», «9 Мая — наш праздник» или «Марафон»

(предошущением общечеловеческой беды она перекликается с картиной Кузьмы Петрова-Водкина «Ураган», написанной в 1914 году перед началом Первой мировой войны).

Картина «Вечер» и внешне работа тонкая, с точно найденным цветом, передающим особое состояние сумерек — стадию вечернего часа, когда постепенный уход солнца преобразует свет в темноту и основными тонами делает сиреневый и фиолетовый. Возможно, и этого пойманного на кончик кисти и воссозданного на холсте ощущения вечера было бы достаточно, но художник пошел дальше, придав картине внутреннее содержание, философскую глубину. И ты как зритель, погружаясь в эту глубину, невольно обращаешь внимание на определенные детали — на окна в большом доме, на то, что они разных цветов и размеров. На фоне сиреневых сумерек они особо заметны и считаются как отображение разных характеров, судеб людей и целых семей, живущих за этими окнами. Притягивает твой взгляд стоящий у подножия большого дома одинокий маленький домик. И чистый свет, что горит в его окошке, и снег, что сползает с его крыши, дерево, качелька за домом, даже то, что какие-то доски в заборе отсутствуют, — это все человеческое, все живое, и о человеке его дом или даже окно его дома рассказывает не менее откровенно и подробно, чем если бы сам человек взялся за это дело. Следует заметить, что на картине нет ни единой фигуры человека, нет даже ее контура, тени, но мы знаем про обитателей этих домов нечто личное и сокровенное. Образный ряд картины поведал нам о людях.

Умение рассказать о человеке без человека, через образ, требует от художника внутренней сосредоточенности в соединении с большим мастерством. И Петр Андреевич этим мастерством владеет. Вот еще одна его работа — «Пейзаж с колокольней». Условно картина делится на две части — землю и небо. Расстояние между ними велико, а подчеркнутое приземистостью домов — кажется непреодолимым. Но землю и небо соединяет колокольня. Белый цвет колокольни, заостренность ее купола, устремленного в небо, говорят про особую роль, отведенную ей. По восходящей колокольне, как по лестнице, уходят в небо молитвы, возносятся души... А внизу, в домах, под крышами, — там земная жизнь. А внизу — на улицах люди. И ничего особенного не происходит в том нарисованном мире людей, но образным соединением земного и небесного картина рассказывает о человеческом бытии...

Надо сказать, что приходит это понимание не в один миг. Есть такое ощущение от картин Петра Андреевича: смысл, заложенный в них, дается не сразу, не открытым текстом, требуется время, чтобы его понять. Проще говоря, у картин Кудинова нужно немного постоять, нужно побыть немного внутри, и только войдя в пространство картины, причем не сторонним наблюдателем, а участником события, начинаешь считать образ. Художник как будто оставляет на картине символическое место для зрителя, приглашая того войти в свой мир.

— Самое правильное состояние, — делится опытом Петр Кудинов, — это когда ты не боишься экспериментировать. Я много сочиняю, мне нравится сочинять, собираются постепенно впечатления, даже

не впечатления, а обрывки увиденного, и складываются постепенно в идею. Я природу тоже рисую по памяти. Хожу, присматриваюсь, а потом рисую, но как-то иначе, соединяя увиденное с мыслями, чувствами, образами... Овладение мастерством живописи — это процесс бесконечный. На каждой картине художник чему-то учится, а раз процесс продолжается, то художник не «засыхает». Как говорится, главное — набраться наглости и добиваться своего, задуманного, того, что в конечном итоге увидит зритель. Что ни говори, а зритель — он ведь подспудно придает смысл работе художника. Когда в Третьяковке была выставка Валентина Серова — люди шли и шли. Так ведь и положено: картина оживает в зале, на выставке, в галерее, в музее — там, где ее видят, где ее понимают и чувствуют. Пришлось организаторам выставку продлить. А люди продолжали идти. И я подумал: может быть, они заражаются там некой благостью, что поможет им в жизни. Кстати, картина, купленная и пристроенная в чьих-то личных покоях, и картина, принадлежащая галерее, живут разной жизнью. Я никогда даже и не интересовался продажами. Тем более частными. Если музей купит, ты хотя бы знаешь, куда картина ушла и где ее люди увидят...

Петр Кудинов открыт в своем творчестве, открыт он и в жизни. Есть у художника очень искренний «Автопортрет» — в нем и легкая ирония, и вместе с тем доверительность. Мол, здравствуйте, люди добрые, я вот такой, как есть, — весь перед вами, может, в чем-то несовершенен, но уж точно без камня за пазухой. На том автопортрете Петр Андреевич спину держит прямо, стоит подбоченясь: хоть и с юмором, но дает явный намек, что внутренний стержень у него имеется.

— Встречаться с Петром мне всегда интересно. Это человек нестандартный, творческий, талантливый! — так отзывается о Петре Кудинове его товарищ по профессии, член Союза художников России Валентин Шипило. — Свои картины он сочиняет по наблюдениям. Бывает, что долго вынашивает идею и совсем не боится экспериментировать. Он может наклонять дома, расставлять, двигать в композиции все так, как считает необходимым для большей выразительности. И поэтому каждый образ в его картинах выстрадан. Для своих работ он обязательно делает первоначальные наброски, зарисовки к будущему холсту, разрабатывает зачастую картон, которому придает немаловажное значение. Бывает, что на него уходит достаточно много времени. А приступая к работе на холсте, большую роль отдает колориту, пластике. Композицию неизменно строит, чтобы основной действующей силой работала и линия, и цвет. Зная его, скажу так: любовь к жизни, людям, искусству и делает Петра Кудинова в творчестве по-хорошему одержимым!